

землю, как говорит Французская Книга, более тридцати рыцарей, и почти все – рыцари Круглого Стола. И сэра Лавейн тоже немало отличился в тот день, сокрушив десятерых рыцарей Круглого Стола.

5

– Иисусе милосердный, – сказал сэра Гавейн королю Артуру, – я диву даюсь, кто бы мог быть этот рыцарь с красным рукавом?

– Сэр, – отвечал король Артур, – вы его узнаете, прежде чем он успеет покинуть турнирное поле.

И с тем протрубил король конец сраженью, и глашатаи объявили, что первенство присуждается рыцарю с белым щитом и с красным рукавом на шлеме. И вот подъехали король Северного Уэльса, и король Нортумберландский, и Король-с-Сотней-Рыцарей, и сэра Галахальт Высокородный Принц и так сказали сэру Ланселоту:

– Любезный рыцарь, да благословит вас Бог, ибо вы немало сделали для нас сегодня. И потому мы просим вас поехать с нами и принять все почести первенства, которое вы с честью завоевали.

– Любезные лорды, – отвечал сэра Ланселот, – знайте, если я и заслуживаю благодарности, то я купил ее дорогой ценой и очень в этом раскаиваюсь, ибо мне уже, видно, не быть более в живых. И потому, любезные мои лорды, прошу вас, позвольте мне уехать, куда я пожелаю, ибо я ранен жестоко. И мне дела нет до всех ваших почестей, ибо я предпочту сейчас отдых владычеству над целым миром.

И с тем он застонал жалостно и быстрым галопом ускакал прочь и мчался, покуда не достиг опушки леса. Когда же он увидел, что отъехал от турнирного поля без малого на милю и что теперь его наверняка оттуда не видно, тогда воскликнул он громким голосом с жалобным стоном:

– О любезный рыцарь сэра Лавейн! Помогите мне извлечь этот обломок копья из моего бока, ибо он язвит меня столь жестоко, что жизнь вот-вот покинет меня.

– Ах, дорогой мой господин, – отвечал сэра Лавейн, – я бы с радостью исполнил ваше желание, но я очень боюсь, как бы мне, вытащив этот обломок, не подвергнуть самую жизнь вашу опасности смерти.

– Велю вам, если вы любите меня, сей же час его извлечь! И с тем сошел сэра Ланселот с коня, и сэра Лавейн тоже, и тут же выдернул он наконечник копья из его бока, и сэра Ланселот издал пронзительный крик и ужасный стон, и кровь хлынула из раны большой струей, и вылилась сразу чуть не целая пинта, так что под конец он покачнулся, сел прямо на землю и, лишившись чувств, упал, бледный и безжизненный.

– Увы, – промолвил сэра Лавейн, – что мне делать? Он повернул сэра Ланселота так, чтобы ветер дул ему в лицо, и тот пролежал там за смертью целых полчаса. Потом наконец открыл сэра Ланселот глаза и сказал:

– Ах, сэра Лавейн, помогите мне сесть на коня! Ибо здесь поблизости, отсюда в двух милях, живет благородный отшельник, бывший некогда славным рыцарем и владетельным лордом. Теперь он, из добродетели, принял нищенство и отказался от богатых своих земель. Имя его – сэра Бодуин Бретонский, и он славится как искусный лекарь и добрый врачеватель. Посмотрим же, не удастся ли мне туда добраться, ибо сердце мое говорит мне, что на руках моего доброго кузена я не умру.

И с великой мукой поднял его сэра Лавейн в седло, и они быстро поскакали вдвоем, а кровь все бежала у сэра Ланселота из раны и стекала прямо на землю. И привел их путь к жилищу отшельника под сенью леса, а напротив высилась большая скала, и под нею бил чистый источник. Сэра Лавейн постучал в ворота древком копья и громко крикнул:

– Отворите, во имя Иисуса!

Вышел к ним прекрасный отрок и спрашивает, что им угодно.

– Сынок, – отвечал сэра Лавейн, – ступай и попроси твоего господина, во имя Бога, пустить себе раненого рыцаря. И скажи твоему господину, что сегодня у меня на глазах этот рыцарь свершил столько бранных подвигов, что я никогда и не слышал такого.

Отрок быстро ушел и вернулся с отшельником, благообразным старцем.

Лишь только увидел его сэра Лавейн, он стал просить его, во имя Господа, о помощи.